

**Andrei V. Aleinikov, Aleksandr I. Strebkov,
Gazimagomed G. Gazimagomedov,
Artem N. Sunami, Aleksandr D. Karpenko***

Conflict-criminological paradigm of corruption (article 2)

Abstract: The second part of the study pays special attention to the disputable issues of defining the concept of «corruption» and different research strategies of analyzing corruption practices and schemes of corrupt behavior through the prism of conflict social interactions. Corruption is characterized as the process and result of illegal conversion of the resources of public officials and private persons that trespasses the boundaries of social contract. The authors view corruption as a method through which capital is seeking to include material and moral elements of society into its movement. These elements, due to evident social and political necessity, cannot belong to private persons and should (could) only exist as a public whole, as public property. The analysis of contemporary research publications shows that the conceptual field of criminology uses the concept of «corruption» in two senses: in the broad sense, which includes all the manifestations of the «corruption» of power and the intentional abuse of office, status and authority by public officials with the purpose of personal enrichment or pursuing group interests, and in the narrow sense - the aggregate of the elements of offences with the corresponding qualifying characteristics and measures of legal

* **Aleinikov, Andrei V.** - Professor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: a.alejnikov@spbu.ru.

Strebkov, Aleksandr I. - Head, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: a.strebkov@spbu.ru.

Gazimagomedov, Gazimagomed G. - Professor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: fond_conflict@mail.ru.

Sunami, Artem N. - Senior Instructor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Ph.D. in Political Sciences, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: a.sunami@spbu.ru.

Karpenko, Aleksandr D. - Ass. Professor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Ph.D. in Biology, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: alex@karpenko.name.

liability. The authors conclude that corruption is a latent process of transforming the results of actions into a commodity of a «non-commodity» nature which cannot be the object of exchange within the legal field. Corruption relations are analyzed as such situations of forfeiting the public good to individual private beneficiaries when public officials receive a compensation for transferring to private persons the resources and benefits that do not rightfully belong to them. The authors prove the necessity of identifying the removal of economic, political and symbolic capital from public circulation for the benefit of private persons. They determine the challenges of transferring corruption counteraction from the regional and international perspective to the coordination of legal methods and highlight the conflicts between legal constructs in the development of anti-corruption measures.

Keywords: conflict; corruption; commodity monetary relations; state; business; corruption counteraction.

Как отмечалось в первой части нашего исследования, в проблеме изучения коррупции существует довольно много сложностей, трактовка которых может существенно повлиять на выработку и реализацию антикоррупционных стратегий.

В современной криминологии существует широкий набор оригинальных концептуальных трактовок коррупции [1-4]. Представляется достаточно спорным распространенное утверждение, что «криминологический подход не в состоянии определить коррупцию как комплексное социальное явление, поскольку акцентирует внимание на отдельном преступном деянии, в то время как коррупция, как правило, представлена пролонгированным действием» [5, с. 16].

Как убедительно показано в репрезентативном обзоре итальянских ученых, криминологический подход к исследованиям коррупции как раз и нацелен на формулировки в терминах процессов действия и изучение схем

коррупционного поведения через призму «ежедневных социальных взаимодействий» [6].

В криминологии, по Ф. Варезу, коррупция отличается от других преступлений, например таких, как кражи. Да, и вор, и коррупционер занимаются преступной деятельностью. Акт воровства, однако, аналитически отличается от взятки и коррупции. Вор просто забирает имущество, которое принадлежит его жертвам. В чистом виде вор не имеет никаких предыдущих доверительных отношений с потерпевшим: он проникает в дом, пока жертвы в нем нет, и берет все, что смог найти, хотя возможны кражи и при доверительных отношениях. Кроме того, государственный служащий может украсть у своего работодателя. В этом случае он нарушает доверительные отношения, но не участвует в коррупции. Для последней характерна, прежде всего, незаконная передача ресурса, незаконный обмен: цена согласовывается. Коррупционер не ворует, но покупает ресурс, который не мог получить в противном случае (в качестве альтернативы он получает ресурс по более низкой цене). Некоторые товары не могут быть украдены - нельзя же при незаконной выдаче паспорта украсть дополнительный паспорт для собственного использования. Следовательно, коррупция возникает тогда, когда паспорт продается незаконно, ускоряя или замедляя бюрократический процесс, вне рамок публичного договора [4].

В представлениях криминологов понятие «коррупция» приобрело то смысловое содержание, которое сегодня является само собой разумеющимся: оно означает прежде всего результат совместной незаконной, выходящей за рамки публичного договора конвертации ресурсов публичных должностных и частных лиц [7–9].

С концептуально-логической точки зрения в предметном поле криминологии воспроизводится два смысла. Широкий смысл понятия «коррупция» означает включение в него всей совокупности проявлений «порчи» власти и умышленного использования публичными должностными

лицами своего служебного положения, статуса и авторитета для личного обогащения или в групповых интересах. Так, Т. Я. Хабриева считает, что «коррупция уже давно не сводится к разного рода взяточничеству и злоупотреблениям. Она охватывает такие виды правонарушений, как коррупционный лоббизм, коррупционный протекционизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная поддержка и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, корыстное злоупотребление властью или должностным положением и др.» [10, с. 11].

Узкий смысл понятия «коррупция» означает совокупность составов правонарушений с квалифицирующими признаками использования должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах [11, с. 37; 12, с. 369; 13, с. 22].

Каждый из этих подходов имеет свои концептуально-логические преимущества и недостатки, но ни один из них не решает принципиальной проблемы - неоправданного сужения или расширения объема понятия «коррупция».

Исходя из представлений о коррупции как латентном способе взаимодействия, который проявляется во внутреннем конфликте субъектов этих отношений и фиксируется правом, она может стать предметом той или иной науки лишь при условии, когда все перечисленные компоненты явятся в единстве, когда между бизнесом и чиновниками наступит обостренное противоречие и представится нам в виде конфликта, когда он будет зафиксирован правоохранительными органами и представлен обществу средствами массовой информации.

В противном случае невозможно из всей совокупности товарно-денежных отношений вычленить коррупционные связи. Именно эта невозможность дает основание некоторым отечественным и зарубежным

ученым и политикам, опираясь на высказывание американского политолога Самюэля Хантингтона о том, что «хуже общества с негибкой, централизованной и нечестной бюрократией может быть только общество с негибкой, централизованной и честной бюрократией», видеть в коррупции положительный способ проникновения товарно-денежных отношений во все поры общественной жизни.

Академик Р. С. Гринберг декларирует: «Я - сторонник коррупции. Помоему, если бы ее не было, Россия погрязла бы в революциях и бунтах. К тому же мы явно преувеличиваем проблему» [14].

Мы уже подчеркивали то принципиальное обстоятельство, что «коррупция есть процесс превращения деятельности и ее результатов в товар, имеющий нетоварную природу и, следовательно, не подлежащий обмену на деньги или иной товар и услугу» [15, с. 533]. Это, по нашему мнению, означает, что коррупция есть свидетельство лишь того, что в обмен начинают включаться товары и услуги и в основном в денежном эквиваленте, которые не могут ни продаваться, ни покупаться. И этот процесс превращения деятельности, ее результатов в товар, который только в обмене становится таковым, но не могущий по общему признанию – по закону, традиции, религии, нравственности - быть предметом обмена, необходимо отнести к коррупции. Как было отмечено одним из крупнейших современных исследователей Сьюзан Роуз-Аккерман, признаком понимания той или иной страной разницы между общественной и частной собственностью как раз и является наличие коррупционных скандалов [16, с. 75].

В этой концептуальной призме коррупция есть процесс и результат отчуждения общественного блага в пользу индивидуальных частных бенефициаров, при которых публичное должностное лицо лишь передает за вознаграждение в частное владение ресурсы и блага, по праву ему не принадлежащие.

Исходя из данной исследовательской стратегии, мы можем зафиксировать ключевой идентификационный признак коррупционных отношений - акт передачи за вознаграждение чиновником, функционально действующим от имени и по поручению социальной целостности (государства), не принадлежащего ему по праву и совести общего блага частному лицу. Как отмечает К. Ф. Завершинский, «в процессе бюрократической коммуникации государственные чиновники концентрируют не только социально-экономические ресурсы и участвуют в процессе экономической коррупции, то есть в изъятии экономического капитала из публичного обращения в пользу бюрократических страт.

Этому процессу всегда сопутствует и символическая коррупция, проявляющаяся в изъятии публичного символического капитала и использовании его для самолегитимации правящей политической элиты и возникающих политических институтов» [17].

В рамках этой концептуальной оптики наиболее релевантным представляется определение В. Клейнера: «Коррупция - это сознательная и добровольная кооперация должностного лица организации (в государственном или частном секторе) с третьими лицами для получения им или зависимыми от него лицами дополнительных благ путем принятия в рамках своей компетенции заведомо неоптимальных для организации решений, приводящих к получению данным лицом или зависимыми от него лицами дополнительных благ» [18, с. 83-84]. В этом определении схватывается тот факт, что коррупция есть добровольное объединение – без добровольности принятия на себя обязательств она не может состояться. Поэтому всякое обоснование того, что причиной коррупционной деятельности является принуждение, не может быть принято за смягчающее обстоятельство.

Коррупционное действие предстает именно как передача элементов общественной собственности, будь то материальные ценности или

нематериальные активы, в частные руки и непременно за вознаграждение. Российское право к таким деяниям относит злоупотребление служебным положением и полномочиями, дачу и получение взятки, подкуп и иные действия, направленные на незаконное отчуждение государственной собственности. С точки зрения морали коррупционные отношения определяются как безнравственные, как «аморальное поведение», в экономической сфере - как недобросовестная конкуренция, в сфере политической деятельности - как электоральная коррупция или злоупотребления властным ресурсом. Именно в политике подобные действия получают обозначение коррупции. В политике в определении коррупции отражается отношение государства как к гражданскому обществу, так и к самому себе и своей собственности. В противодействии коррупции государство само себя сохраняет как публичный институт, принадлежащий всем и каждому. В противном случае, пишет Чезаре Беккариа, «законы, которые... должны являться договорами свободных людей, почти всегда служат только орудием страстей незначительного меньшинства или же порождаются случайной и мимолетной необходимостью» [19, с. 88]. Коррупция есть покушение товарно-денежных отношений на публичность государства, выражающего интерес всего общества, и служит обществу, а не страстям меньшинства или случайной необходимости.

Если в гражданском обществе не утвердился товарно-денежный характер общественных взаимодействий, не разрушена окончательно политическая форма его существования, то коррупцией является частная или групповая приватизация государства. Потому, видимо, в движениях, возникающих против коррупции, таится серьезный политико-протестный потенциал, который используется в политической борьбе за власть. Пример - события 2014 г. на Украине, когда коррупция власти явилась первопричиной Майдана. А в 2015 г. в Молдове коррупция вообще стала знаменем борьбы различных политических сил против существующей государственной власти.

В этом плане с принятием ФЗ РФ «О противодействии коррупции» коррупция, бывшая легальным способом накопления капитала, ничем не отличающимся от других путей, превратилась в способ криминальный, теневой, конфликтующий с легитимированными способами. Во всяком случае, крупный отечественный капитал потребовал укрепления государства как общественной собственности и отношения к ней со стороны граждан как к такой собственности, которая даже в мыслях не может быть приватизирована, его возврата к своей политической, бестоварной сущности в тех отношениях, в которых задействованы граждане.

На этом свойстве коррупции как составляющей товарно-денежных отношений формируется ее восприятие.

Как видно, восприятие коррупции в России остается на высоком уровне и зависит, по нашему предположению, именно от того, насколько глубоко отвергаются товарно-денежные отношения, насколько они в страновой проекции не достигли или достигли цивилизационного уровня.

Эмпирические исследования электорального поведения показывают, что в странах с низким уровнем коррупции избиратели реагируют на коррупцию отрицательно вне зависимости от состояния экономики, а где уровень коррупции высок, негативные реакции на коррупцию фиксируются только тогда, когда состояние экономики ухудшается, при благополучной ситуации избиратели часто нечувствительны к коррупции, даже обладая исчерпывающей информацией о ней [20].

В этом восприятии коррупции приговор выносится не ей как таковой, а степени цивилизационного состояния товарно-денежных отношений, уровню их развития и свободы бизнеса. Безусловно, методология Transparency International имеет ряд серьезных недостатков: изначальная субъективность информации, отражение именно восприятия распространения коррупции экспертами и т. д. Российские политики не только усомнились в точности сделанных экспертами расчетов. Задавшись вопросом, почему так

происходит - мировые стандарты достигнуты, а восприятие коррупции как было высоким, так и осталось, они пришли к выводу об ангажированности агентства. Конечно, более оптимистичными предстают исследования ВЦИОМа, разработавшего оригинальную модель расчета индекса борьбы с коррупцией, показывающего, насколько успешно, по оценке респондентов, реализуется стратегия борьбы с коррупцией.

Данные исследования также фиксируют, что 42 % респондентов полагают аресты чиновников и политиков свидетельством реальной борьбы властей с коррупцией, но 47 % оценивают их как показательные акции и сведение счетов между конкурирующими кланами. При этом позиция некоторых российских политиков иногда редуцируется до утверждений о коррупции как неотъемлемой части глобализации (В. А. Якунин) и до использования лозунгов борьбы с коррупцией для разрушения государственного суверенитета или осуществления цветных революций (депутат Государственной Думы И. А. Яровая и заместитель министра внутренних дел РФ И. Н. Зубов). Однако с точки зрения академического знания мы руководствуемся словами В. О. Ключевского: «Наше дело - сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-нибудь гвардейский штаб-ротмистр» [21, с. 306].

В противном случае в предлагаемой упомянутыми политическими деятелями системе координат можно доказать, что и сама коррупция является результатом чьего-то внешнего злого умысла, выведя ее исследование за рамки предметного и политически нейтрального анализа. Показательна в этом отношении позиция известного российского правоведа Д. А. Керимова, считавшего, что российские законодатели «менее всего учитывают объективность регулируемых общественных отношений. В результате возникла не только неразбериха в самом законодательстве, но и полнейший хаос в правоприменительной практике. Отсутствие должного уровня законодательной культуры, слабое представление о требованиях

законодательной техники у большинства депутатов (даже юристов) и тем более у чиновников правительственных и президентских структур приводит к резкому обособлению и противопоставлению объективного и субъективного в законотворчестве, недооценке их связи, взаимодействия и проникновения друг в друга» [22, с. 10].

По-видимому, это неслучайно: при переходе на уровень координации правовых средств противодействия коррупции в региональной и международной проекции становятся заметны нестыковки конструкций, кажущихся привычными для разрабатывающих антикоррупционные стратегии и меры.

Важно и то, что в отчете ГРЕКО (Группа государств против коррупции) о выполнении рекомендаций Российской Федерацией отмечается, что «коррупция уже давно является серьезной и широко распространенной проблемой в стране. Власти сами признали необходимость противодействия коррупции и уже предприняли ряд мер в данном направлении, таких как регулярные национальные планы противодействия коррупции, создание Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и ряд законодательных реформ. В то же время среди широкой общественности повышаются осведомленность и ожидания по вопросу противодействия коррупции»¹. Наряду с этим выводом подчеркивается, что проблемными зонами остаются вопросы расширения сферы охвата взяточничества в государственном и частном секторе, принятия конкретных положений о злоупотреблении служебными полномочиями в корыстных целях, регулирования финансирования политической деятельности, прозрачности законодательного процесса, включения в законодательство понятий «предложение», «обещание», «требование» и «принятие

¹ Криминализация преступных деяний. Прозрачность финансирования политических партий: отчет о выполнении рекомендаций Российской Федерацией: принято ГРЕКО на 64-м пленар. заседании, Страсбург, 16–20 июня 2014 г. URL: [http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/greco/evaluations/round3/GrecoRC3\(2014\)1_Russia_RU.pdf](http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/greco/evaluations/round3/GrecoRC3(2014)1_Russia_RU.pdf); Предупреждение коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров. Оценочный доклад. Российская Федерация : принят на 77-м пленар. заседании ГРЕКО, Страсбург, 16–18 окт. 2017 г. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/95c/GrecoEval4Rep_2017_2_rus.pdf.

предложения или обещание взятки», отнесения к уголовно наказуемым деяниям торговли влиянием.

И. В. Левакин и Ж. А. Шишова, чтобы разобраться с самоочевидной и в то же время неопределенной категорией коррупции, предлагают выделить абстрактный и казуистический подходы. Для первого характерно предельное обобщение признаков, при помощи которых сформулировано уголовно-правовое предписание. Напротив, второй характеризуется тем, что исследователи пытаются охватить при формулировании предельное количество конкретных ситуаций (возможных случаев преступного бытия) [23].

Отметим, что по уровню «олигархичности» экономики (соотношение личного капитала миллиардеров соответствующей страны из первой сотни списка «Форбс» к валовому внутреннему продукту) Россия существенно превосходит США и Европу [24]. Его значение оценивается в 20,5 % (в США - 6,7 %, в Китае - 4,9 %, в мире в целом - 2,5 %)².

По нашему мнению, различные оценки объемов коррупционного оборота должны исходить в том числе из показателей результатов работы правоохранительных органов, раскрывших преступления коррупционной направленности. Следственным комитетом РФ представляются данные о состоянии коррупции в Российской Федерации, из которых заметно, что количество расследованных преступлений о получении и даче взяток, а также оконченных уголовных дел о коррупционных преступлениях сокращается³.

По данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, за январь – декабрь 2017 г. выявлено 29 634 (-10 %) преступления коррупционной

² За что арестовали Александра Соколова? URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/999277>.

³ По материалам сведений о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за 2015, 2016, 2017 гг. URL: <http://sledcom.ru/activities/statistic>.

направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений составил 1,4 %.

Число преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), в Российской Федерации снизилось на 40,3 % (с 5 344 до 3 188), а преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (дача взятки), - на 51,0 % (с 4 640 до 2 272)⁴.

В то же время львиная доля осужденных по коррупционным статьям - это мелкие вымогатели у населения за услуги, которые обязаны осуществлять по долгу службы и профессии. Так, по данным председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева, 60 % всех осужденных осуждены за взятки, которые составляют до 5 тыс. р., а в московской судебной системе, согласно анализу председателя Московского городского суда О. Егоровой, чаще всего за получение взятки осуждаются преподаватели, врачи, сотрудники правоохранительных и контрольно-надзорных органов⁵. Можно согласиться с утверждением В. Иноземцева о том, что в российских практиках следует разделять феномены взяточничества и коррупции. К первому относится обеспечение чиновников доходами за оформление документов, выдачу разрешений и лицензий, «платные услуги», предоставляемые частным лицам, по ускоренному совершению бюрократических процедур. Коррупция же обеспечивает относительно легальное присвоение средств через бюджет или финансовые потоки госкорпораций [25].

По расчетам экспертов, размеры взяток и откатов в России идут вразрез с судебной статистикой антикоррупционной направленности.

Российские криминологи справедливо указывают, что «официальная статистика фиксирует парадоксальную картину: при значительном превышении числа регистрируемых фактов получения взяток над числом

⁴ Состояние преступности в России за январь - декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.пф/reports/item/12167987>.

⁵ Большинство взяточников в России — неподсудны по статусу. URL: <https://27r.ru/news/russia/31512-bolshinstvo-vzyatochnikov-v-rossii-nepodsudny-postatusu>.

фактов дачи взяток количество выявляемых взяточполучателей устойчиво, наоборот, оказывается значительно ниже числа взяткодателей и при этом размах различий последовательно возрастает» [27, с. 4]. Это влечет за собой потерю смысла рейтингов восприятия коррупции, национальных антикоррупционных планов и любых усилий государства по противодействию коррупции: «В таком обществе само понятие коррупции как девиации теряет смысл» [4]. Однако не теряют смысл спекуляции по поводу коррупции как предлога возбуждения гражданского возмущения и недовольства деятельностью государства. Политический смысл коррупции во все большей степени становится востребованным как средство борьбы за власть.

Анализ коррупции ограничен не самим социальным явлением. Она не может быть ничем иным, как способом, разрушающим устои общества, подтачивающим его изнутри. Коррупция не спектакль, а социальный, экономический и политический интерес, пробивающий себе дорогу в познании, начиная с определения внутреннего содержания явления. Поэтому различные точки зрения на коррупцию есть продукт познания, заинтересованного в том, чтобы явление определялось в соответствии с социальным интересом социальных групп. И чем в большей степени в познании представлен интерес всего общества, тем в большей степени такая парадигма претендует на истину, т. е. на соответствие теоретических результатов познания и повседневной практики людей.

По нашему мнению, причины коррупции кроются в самом социальном устройстве, которое разъедается конфликтом, разрушается им [28; 29]. Следовательно, конфликт следует признать характерным признаком коррупции. Свое действие современный конфликт завершает в праве, в государственном разуме и в первую очередь в криминологии, которая наиболее адекватна в оценке угрозы обществу и ее предотвращении, сущности государства. Криминологический метод идентификации

конфликтов и их разрешения представляет собой наиболее эффективную и востребованную технологию борьбы государства с коррупцией.

Конфликтно-криминологический метод познания дает возможность дойти до действительных причин коррупции, оказывающих прямое и разрушительное воздействие как на государство, так и на общество и личность, позволяет выработать методы противодействия ей, тождественные ее асоциальной природе.

Товарно-денежные отношения, охватывающие все виды деятельности, все социальное и политическое пространство, объективно исключают те тенденции, которые присущи странам, где есть еще простор для товарно-денежных отношений, есть еще государство, приватизация которого не завершена. Товарно-денежные отношения являются объективной основой коррупции, они сами есть коррупция в силу того, что прежние отношения, по общему признанию являющиеся общественными, уже превращены в товарные и денежные отношения.

Коррупция - процесс движения (деятельности) капитала, стремящегося включить в свое движение, а тем самым в обращение, вещественные и моральные элементы общества, которые не могут в силу созревшей социальной и политической необходимости принадлежать частным лицам и могут существовать только как общественное целое, как общественная собственность. И этот процесс превращения деятельности, ее результатов в товар, который лишь в обмене становится таковым, но не может по общему признанию - по закону, традиции, религии, нравственности - быть предметом обмена, необходимо отнести к коррупции.

Можно согласиться с предлагаемой А. Леденевой и С. Шекшней классификацией коррупционных практик:

1. Практики - «динозавры» (имели широкое распространение на ранних стадиях развития рыночной экономики в России, сейчас редко используются):

- получение комиссионных или других материальных выгод от кандидатов на работу;
- сдача в аренду производственных и офисных площадей или производственного оборудования компании для получения личного дохода;
- выплата завышенного вознаграждения «нужным» членам совета директоров;
- вымогательство взяток представителями региональных властей.

2. Практики - «хищники» (возникают вокруг неформальных денежных потоков, вымогаемых у бизнеса органами государственного контроля):

- добровольные или в результате вымогательства выплаты представителям региональных контрольных (пожарная инспекция, налоговая и таможенная служба) и правоохранительных органов;
- оплата налоговых инспекций с заранее обговоренными результатами;
- использование «телефонного права» - неформального давления со стороны представителей федеральных и региональных властей;
- давление представителей властей с целью получения средств на финансирование региональных программ и проектов;
- выбор «правильных» продавцов и поставщиков и продажа активов «правильным» компаниям за «правильные» цены.

3. Практики «черного нала»:

- оплата публикаций в СМИ;
- оплата желательных судебных решений;
- выплата заработной платы и бонусов сотрудникам наличными без уплаты социального налога;
- оплата и оказание других услуг (поездки за рубеж, оплата лечения и т. п.) представителям власти;
- оплата услуг работников полиции и прокуратуры по возбуждению или закрытию уголовных дел;
- получение субсидий и налоговых льгот от региональных властей.

4. Практики - «грызуны» (использование ресурсов компании для личного обогащения):

- получение сотрудниками компаний комиссионных или другого неформального вознаграждения от поставщиков или покупателей;

- выбор победителей открытых тендеров по принципу неформальных связей и договоренностей;

- использование руководителями средств компании для приобретения дорогих автомобилей, телефонов, организации своих поездок и т. д.

5. Практики - «пингвины» (связаны с отношениями и неформальными контактами, существующими между людьми на протяжении долгих лет):

- использование неформальной сети контактов для получения правительственных заказов, контрактов и займов из государственных банков;

- использование сотрудников компании для выполнения частных поручений руководителей;

- наем родственников, вербовка «подшефных» поставщиков.

6. Практики - «крючки»: применение неформальных инструментов (компромата, других материалов) для оказания давления на представителей власти и управления сотрудниками компании [30].

Таким образом, отнесение к коррупции товарно-денежных отношений есть продукт политики государства, которое в законе и в правоохранительной деятельности предлагает обществу понимание того, что не все в мире покупается и продается, что есть забота государства о своем публичном характере, есть мера ответственности государства перед своими гражданами. Вместе с противодействием коррупции пришло время осознания значимости государственного регулирования товарно-денежных отношений и борьбы государства с таким бизнесом и такими чиновниками, которые еще не осознали, что подобные регулирующие действия государства являются по своей социально-политической функции способом защиты бизнеса от разрушающих его тенденций. Коррупционные преступления

заведомо и априори антигосударственны. Можно бесконечно задавать исключительно риторические вопросы о причинах регенерации коррупционных отношений – исчерпывающих версий ответа нет. Как писал автор сингапурского «антикоррупционного чуда» Ли Куан Ю, «человеческая изобретательность практически бесконечна, когда дело касается конвертации власти в личную выгоду... Труднее было обнаружить изолированные акты коррупции, а обнаружив — бороться с ними. Начать с проповеди высоких моральных принципов, твердых убеждений и самых лучших намерений искоренить коррупцию - легко. А вот жить в соответствии с этими добрыми намерениями — трудно. Для этого требуются сильные лидеры и решимость бороться со всеми нарушителями, безо всяких исключений» [31, с. 100-192].

REFERENCES

1. Khabrieva T. Ya. (ed.). *Korrupsiya: priroda, proyavleniya, protivodeistvie* [Corruption: nature, types, counteraction]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2012. 688 p.
2. Levakin I. V., Krokhina Yu. A., Shishova Zh. A. *Korrupsiya kak sotsial'no-pravovoe yavlenie (finansovo-pravovye aspekty protivodeistviya)* [Corruption as a social and legal phenomenon (financial and legal aspects of counteraction)]. Moscow, Research Institute of System Analysis of the Accounts Chamber of the Russian Federation Publ., 2012. 223 p.
3. Powell B., Manish G. P., Nair M. Corruption, crime and economic growth. In Benson B. L., Zimmerman P. R. (eds.). *Handbook on the Economics of Crime*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2010, chap. 13, pp. 328-341.
4. Varese F. Pervasive Corruption. In Ledeneva A., Kurkchyan M. (eds.). *Economic Crime in Russia*. London, Kluwer Law International, 2000, pp. 99–111.
5. Alekseev S. V. *Korrupsiya v perekhodnom obshchestve: sotsiologicheskii analiz. Avtoref. Dokt. Diss.* [Corruption in the transition society: a sociological analysis. Doct. Diss. Thesis]. Novocheerkassk, 2008. 49 p.

6. Nicola A. di, Zanella M. Criminological theories and corruption. An explanatory study at the international level. *Rassegna Italiana di Criminologia*, 2011, no. 2, pp. 37–44.
7. Zimring F., Johnson D. On the Comparative Study of Corruption. *The British Journal of Criminology*, 2005, vol. 45, iss. 6, pp. 793–809.
8. Uslaner E. M. Corruption, inequality, and the rule of law: the bulging pocket makes the easy life. Cambridge University Press Publ., 2008. 361 p.
9. Erp J. van, Huisman W., Walle Gudrun Vande (eds.). *The Routledge Handbook of White-Collar and Corporate Crime in Europe*. New York, Routledge, 2015. 580 p.
10. Khabrieva T. Ya. Research and legal issues of counteracting corruption. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2012, no. 7 (187), pp. 7–14. (In Russian).
11. Andrianov V. D. *Byurokratiya, korruptsiya i effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya: istoriya i sovremennost'* [Bureaucracy, corruption and the effectiveness of public administration: history and modernity]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009. 236 p.
12. Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Norma Publ., 2009. 800 p.
13. Luneev V. V. Corruption in Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 11, pp. 20–27. (In Russian).
14. Grinberg R. S. Russia, the world, the global economy... *Mir i politika = World and politics*, 2009, no. 10 (37), pp. 8–17. (In Russian).
15. Aleinikov A. V., Gazimagomedov G. G., Strebkov A. I. «Surgery» and «therapy» of corruption: the conflict studies dimension. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, iss. 4, pp. 528–540. (In Russian).

16. Rouz-Akkerman S. Democracy and «great» corruption. *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh nauk = International Social Science Journal*, 1997, no. 16, pp. 75–95. (In Russian).
17. Zavershinsky K. F. Corruption as a communicative structure of the institutionalization of Russian political elite. In Ereemeev S. G., Popova O. V. (eds.). *Politicheskie instituty v sovremennom mire. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 10–11 dekabrya 2010 g.* [Political Institutes in the Modern World. Materials of All-Russian Research Conference, St. Petersburg, December 10–11, 2010]. St. Petersburg, 2010, pp. 125–126. (In Russian).
18. Kleiner V. G. Corruption in Russia, Russia Corrupted: Is There a Way Out? *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2014, no. 6, pp. 81–96. (In Russian).
19. Beccaria H. *Dei delitti e delle pene*. Harlem, 1766. (Russ. ed.: Beccaria H. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh*. Moscow, Infra-M Publ., 2004. 184 p.).
20. Klačnja M., Little A., Tucker J. Political Corruption Traps. *Political Science Research and Methods*, 2018, vol. 6, no. 3, pp. 413–428.
21. Klyuchevsky V. O. *Sochineniya [Works]*. Moscow, Mysl Publ., 1990. Vol. 9. 525 p.
22. Kerimov D. A. *Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [The Methodology of Law (object, functions, problems of the philosophy of law)]. 2nd ed. Moscow, Avanta+ Publ., 2001. 560 p.
23. Levakin I. V., Shishova Zh. A. The concept and key types of corruption. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2012, no. 1, pp. 16–23. (In Russian).
24. Inozemtsev V. *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka [A Non-Modern Country: Russia in the 21st Century World]*. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2018. 404 p.
25. Balatsky E. V. The oligarchy character of Russian economy in the conditions of globalization. *Kapital strany = The Capital of the Country*. Available at: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/962>. (In Russian).

26. Kolovangin P. M. Tenevaya ekonomika i protivodeistvie korrupszii [Shadow Economy and Corruption Counteraction]. St. Petersburg, Napisano perom Publ., 2013. 295 p.
27. Dolgova A. I. (ed.). Korrupsiya: sostoyanie protivodeistviya i napravleniya optimizatsii bor'by [Corruption: the Condition of Counteraction and the Directions for Optimizing Resistance]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2015. 361 p.
28. Aleinikov A. V., Strebkov A. I. Conflicts and social stability in modern Russia. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2015, no. 12, pp. 27–40. (In Russian).
29. Ledeneva A. V. *How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca, London, Cornell University Press Publ., 2006. 270 p.
30. Ledeneva A., Shekshnya S. Business in Russia: Informal Practices and Anti-Corruption Strategies. *Russie.Nei.Visions*, 2011, no. 58, pp. 1–27. (In Russian).
31. Lee Kuan Yew. *Singapurskaya istoriya: iz «tret'ego mira» — v «pervyi» (1965–2000)* [The Singapore Story: 1965–2000. From third world to first]. Moscow, MGIMO University Publ., 2005. 656 p.